

ГБУК СО «СОМБ»

ЛИТЕРАТУРА МЕЧТЫ

2025

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная имени П.П. Бажова

Литература мечты

Екатеринбург – 2025

ББК 83.3(2)

Л 64

Л 64

Литература мечты / Министерство культуры Свердловской области, Свердловская областная межнациональная библиотека имени П.П. Бажова ; составитель О.И. Калинина. – Екатеринбург : СОМБ, 2025. – 41 с. : ил. – Текст: электронный.

ББК 83.3(2)

Содержание

Скромный рыцарь советской фантастики	5
«Чудеса делаются своими руками»	18
«Старший брат русской фантастики»	29
Рассуждения современных писателей фантастов писателей Марины и Сергея Дяченко в статье «Зачем нужна научная фантастика и почему она актуальна сейчас?»	38
Список литературы	40

Свердловская областная межнациональная библиотека выпустила пять выпусков образовательного виртуального проекта о писателях-фантастах «Книги учат мечтать», набравшего более 3500 просмотров. В этом году мы решили рассказать о писателях-фантастах, покоровших наши сердца. Первый выпуск открывала цитата Ивана Ефремова – певца фантастического будущего. Так мы оцениваем творчество этого удивительного человека и писателя.

«Подавляющее большинство любителей и сторонников научной фантастики, равно как и сами писатели, соглашались, что это литература мечты».

Иван Ефремов

4

Так мы в этом году назвали дайджест, в котором поделимся своими наблюдениями и мыслями о творчестве писателей-фантастов России.

Скромный рыцарь советской фантастики

5

*Есть на свете невзрачные рыцари,
А порой предстают предо мной
Подлецы с благородными лицами
И с красивой такой сединой.
И глаза их живые, не тусклые...
Только хочется броситься прочь
В миг, когда лицевые их мускулы
Выражают готовность помочь.*

Это стихи Вадима Сергеевича Шефнера. Фронтовика. Поэта. Прозаика. Невероятно скромного и тихого человека, о котором Евгений Шварц говорил:

«Это писатель особенный, драгоценный, простой до святости. Именно подобные существа и создали то явление, что называем мы литературой».

Свою автобиографию Шефнер начинает так:

«Рождён я в Петрограде 12 января 1915 г. Мать моя, Евгения Владимировна Шефнер, – дочь вице-адмирала Владимира Владимировича фон-Линдстрема. Отец мой, Сергей Алексеевич Шефнер, – пехотный подполковник; отец его, Алексей Карлович Шефнер, был военным моряком. Он оставил России добрую память о себе: во Владивостоке есть улица капитана Шефнера, а возде дальневосточного порта Находки – мыс Шефнера».

О том, что сам Вадим Сергеевич, пережив войну и Блокаду, остался самим собою – мудрым лириком, обладающим завидным чувством юмора – свидетельствует тот факт, что в шестидесятые годы он вдруг обратился к фантастике. Хотя, наверное, и не вдруг. Атмосфера «оттепели», споры между физиками и лириками, интерес к науке и технике мало кого из тогдашних советских литераторов оставили равнодушными. И начал Шефнер свой путь в фантастике вполне традиционно – с утопии.

Повесть «Девушка у обрыва, или Записки Ковригина» впервые была опубликована в газете «Литературная Россия» в 1964 году. Действие происходит в относительно недалеком будущем, в эпоху когда только что отменили деньги.

Повсюду разнообразные автоматы со смешными названиями: ПАВЛИН (Продавец-Автомат, Вежливый, Легкоподвижный, Интеллектуальный, Надежный), САТИР (Столовый Автомат, Терпеливо Исполняющий Работу), САВАОФ (Столовый Агрегат, Выполняющий Арбитражные Организационные Функции), которые обслуживают граждан, даже если они Чепьювины (человек пьющий вино, алкоголик) и Чекуртабы – (человек курящий табак, никотинозависимый).

6

Евгений Щеглов. Иллюстрация к повести Вадима Шефнера «Девушка у обрыва»

Жизнь представляется вечным праздником, но начинается повесть с грустной ноты: «...Девушка стояла у обрыва на берегу реки. Это было осенью, когда идут затяжные дожди, когда размокает береговая глина и на ней так четко отпечатываются следы. Девушка стояла у обрыва и задумчиво смотрела на осеннюю реку, по которой плыли желтые листья. Мимо проходил юноша, и увидел он девушку, стоящую у обрыва, и полюбил ее с первого взгляда. И она тоже полюбила его с первого взгляда — так полагается в сказках...» и грустинка эта пронизывает всю повесть.

Однако Шефнер ломает и этот шаблон. «Девушка у обрыва» — это не лирическое повествование о несчастной любви, а мемуары Матвея Ковригина, человека ни чем

не примечательного, если не считать его дружбы с Андреем Светочевым, гениальным изобретателем аквалида – универсального материала, перевернувшего жизнь человечества.

Грусть переходит в иронию, в том числе и авторскую самоиронию, чего только стоят следующие строчки: *«Так, например, Нина настаивала, чтобы в "Антологию" я обязательно включил стихи некоего Вадима Шефнера (1915-2002), я же противился этому. Мне не нравились нотки грусти и меланхолические размышления в его стихах. Я предпочитал Поэтов с бодрыми, звонкими стихами, где все было просто и ясно...»*.

7

Вадим Сергеевич создал совершенно новый тип утопического повествования – лирическо-мемуарно-ироническое. Иван Ефремов выстраивал свою утопию всерьез, люди Эры Великого Кольца юмор считали скорее недостатком, Аркадий и Борис Стругацкие – допускали у потомков не только чувство юмора, но и даже некоторую грубость, Вадим Шефнер шагнул дальше – он саму утопию подал в юмористическом ключе.

«Когда ко мне подошел САТИР... я, как обычно, заказал себе щи, синтетпеченку и компот. Отобедав, я по привычке подозвал САТИРа, чтобы распла-

таться, и хотел было уже сунуть монеты в отверстие на его пластмассовой груди, но вдруг увидел, что это отверстие заклеено бумажкой.

– Обед бесплатен. Обед бесплатен, – равнодушно сказал САТИР».

Эту ироническую интонацию писатель сохранил и в других своих фантастических повестях, целый цикл которых он создал в шестидесятые и последующие годы.

В 1966 году выходит его повесть «Запоздалый стрелок, или Крылья провинциала». Ее герой, Алексей Возможный, изобрел крылья для индивидуального пользования. Им двигало желание облегчить работу своей матери, как деревенскому почтальону ей приходилось пешком преодолевать несколько километров, почти каждый день и в любую погоду. Возможный не считал свое изобретение эпохальным, да и его широкое внедрение натолкнулось на бюрократические препоны.

В повести 1968 года «Дворец на троих, или Признание холостяка», Вадим Сергеевич рассказал совершенно фантастическую историю о Творителе и его дочери Лиде. В голодные годы Гражданской войны и послевоенной разрухи, Творитель создал подземный дворец, где было все, что нужно для жизни и даже более того. Рассказчик, Василий Васильевич, попадает в него благодаря девушке, которая нашла его замерзающего в лесу. Казалось бы – вот оно счастье. Женись на Лиде, тем более на такой красавице, и в ус не дуй. Вот только отец Лиды поставил условие, что молодые должны жить в подземном дворце. Василий не мог с этим согласиться. Так он и остался холостяком.

Череду грустных и поучительных историй продолжила повесть «Круглая тайна» 1970 года. Журналист Юрий Лесовалов, который придумал себе псевдоним Анаконда, находит в лесу портфель, набитый деньгами. Еще там был черный тяжелый шар, чуть крупнее бильярдного. Шар Юрий выбросил в болото, а деньги – присвоил. Каково же было его удивление, когда обнаружилось, что шар не только не утонул, но и преследует журналиста. Так Анаконда поневоле вступил в контакт с представителем внеземной цивилизации, который стал опекать представителя прессы. В итоге пришлось Лесовалову пересмотреть жизненные приоритеты.

В 1982 году выходит первый и единственный роман Вадима Шефнера «Лачуга должника». Это снова произведение о будущем и снова необыкновенное. XXIII век – эра победившего коммунизма. Воист (военный историк) Степан Кортиков готовится к экспедиции на планету Ялмез – зеркальное отражение Земли. Судьба сводит его с поэтом Павлом Белобрысовым, который утверждает, что родился еще в XX

веке. Бессмертие оказалось даром инопланетной цивилизации, которому юный Пашка приобщился случайно, уже после того, как погиб его брат-близнец Петр. Через три столетия Белобрысов пронес мечту вернуть брата, и для этого ему нужно было добраться до планеты Ялмез.

И снова писатель вводит в повествование себя: *«Раз Гена подсунул мне одну шефнеровскую фантастическую книжицу – читай, мол, и радуйся. Я честно страниц пять прочел, больше одолеть не мог. Ведь Шефнер писал даже не научную фантастику, а не разбери-бери что, смешивал бред и быт. Но теперь, в данном-то, в особом случае, именно этим он и был для меня подходящ. Я надеялся, что раз он пишет такое, то поймет, расчухает, в какую каверзную ситуацию я влип, и что-нибудь да присоветует...»* И встреча Белобрысова с Шефнером состоялась.

Разочарованный Павел вынужден выслушивать знаменитого поэта, который *«понес какую-то муть насчет того, что в фантастике должны действовать самые обыкновенные люди и что всякая хорошая фантастика в какой-то мере всегда автобиографична. Мне до всего до этого было как до лампочки...»*. И далее следует трудный диалог, во время которого автор, конечно, же беседует сам с собою, как бы прощупывая границы своей искренности. Ведь речь идет об эликсире бессмертия. Шефнер (не писатель, а персонаж), отказывается, оставляя читателю право верить или не верить.

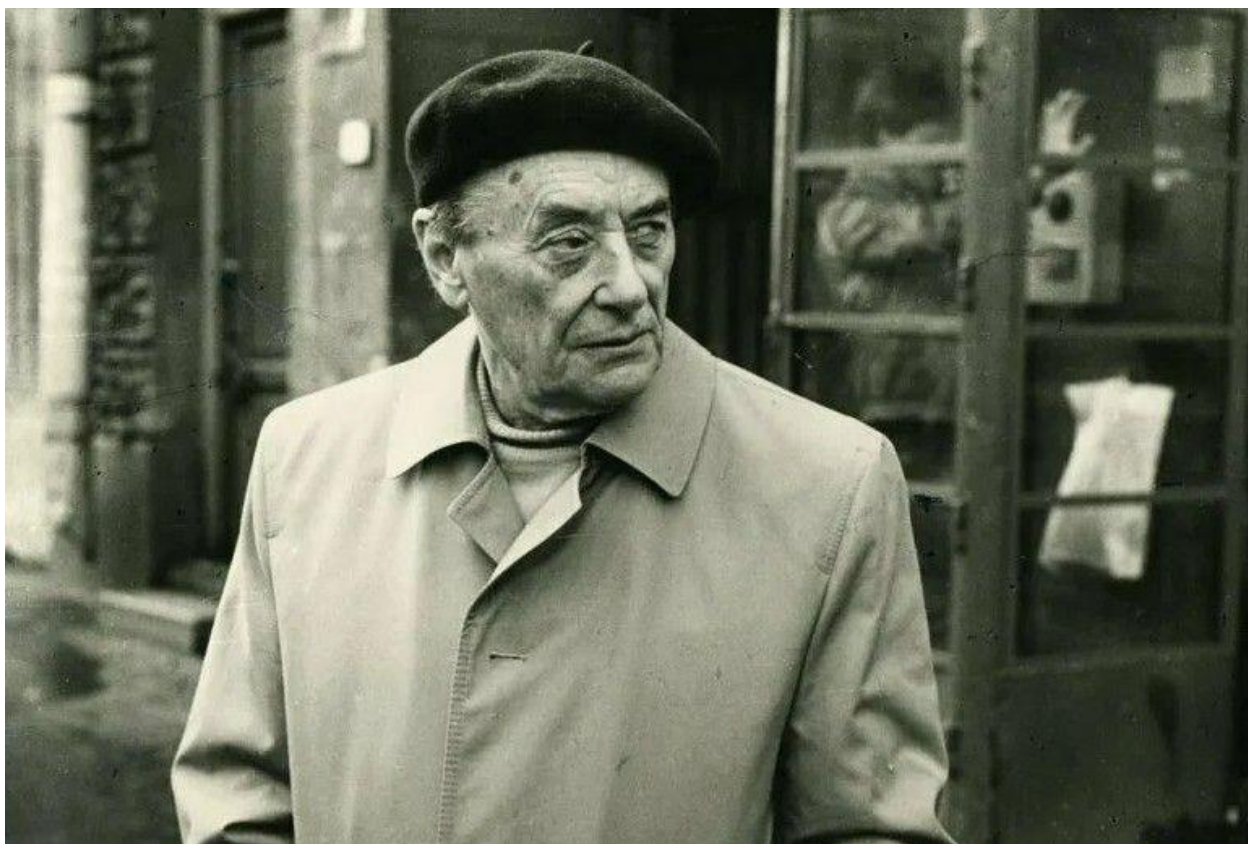

Кадр из т/ф «Пачуга должника»

Фантастическое в творчестве Вадима Сергеевича Шефнера не было случайностью. Тонкий лирик и ироничный прозаик, он явно видел в научной и не совсем фантастике великолепный способ увидеть обыденное со стороны. Шефнер ни с кем не сводил счеты, никого не высмеивал, его писательская доброта распространялась даже на самых ничемных персонажей.

И, пожалуй, ключ к пониманию к тайне творчества Вадима Сергеевича, лежит в его же стихотворении, которое так и называется «Фантастика»:

*Как здесь холодно вечером, в этом безлюдном саду,
У квадратных сугробов так холодно здесь и бездомно.
В дом, которого нет, по ступеням прозрачным взойду
И в незримую дверь постучусь осторожно и скромно.
На пиру невидимок стеклянно звучат голоса,
И ночной разговор убедительно ясен и грустен.
– Я на миг, я на миг, я погреться на четверть часа.
– Ты навек, ты навек, мы тебя никуда не отпустим.
– Ты все снился себе, а теперь ты к нам заживо взят.
Ты навеки проснулся за прочной стеною забвенья.
Ты уже на снежинки, на дымные кольца разъят,
Ты в земных зеркалах не найдешь своего отраженья.*

Фантастическая проза Шефнера неразрывно связано с его поэзией. Она также человечна, наполнена мягким юмором и задумчивой печалью. От неё не стоит ждать

рева стартующих армад, сверкающих разрядов бластеров и звездных принцесс, падающих к ногам мужественных героев.

Да и не всегда герои Шефнера мужественны и героичны. Его персонажи – живые люди из плоти и крови, сомневающиеся, ошибающиеся и ищущие пути исправления своих ошибок.

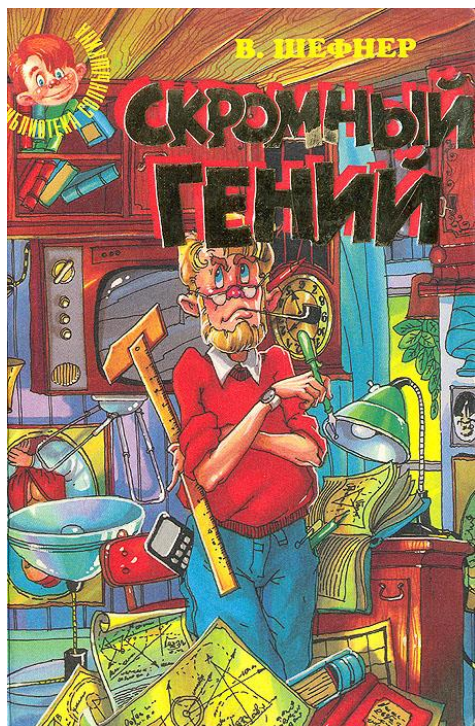
*Вглядитесь в свое отражение,
В неведомых дней водоем, –
Фантастика – лишь продолжение
Того, что мы явью зовем.*

*На сердце планеты – тревога,
Прносятся войны, трубя, -
И сложные функции бога
Фантасты берут на себя.*

*Из глины сегодняшней лепят
Адама грядущих денниц,
И мира безгрешного лепет
Доносится с вещей страниц.*

Его фантастические произведения принесли Шефнеру не только любовь читателей, но и такие престижные отечественные премии в области фантастики, как «Аэлита», «Странник» и «Великое кольцо».

Мы хотим познакомить Вас, уважаемые читатели, со сборником полуневероятных историй, который получил название по одному из рассказов сборника – «Скромный гений».

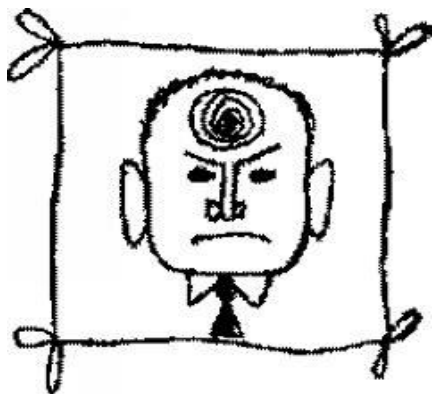

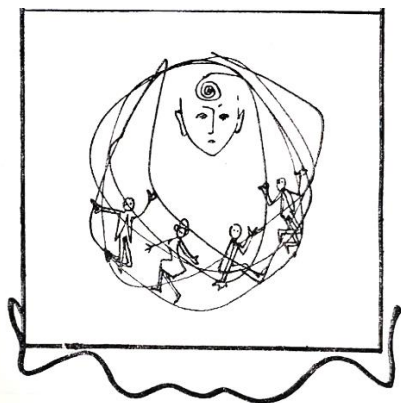
В предисловии к данной книге А. Липелис пишет:

«В повестях Вадима Шефнера, собранных в этой книге, есть и представители внеземных цивилизаций, обладающие, как им и положено, невероятными техническими возможностями, есть и земные изобретатели, иные из которых не прочь посредством чудодейственных приборов и микстур осчастливить человечество, но сам писатель не склонен слишком уж серьезно относиться к «научно-фантастической» стороне своих произведений. Наверно, поэтому он и называет их то “полувероятной историей”, а то и просто “повестью-сказкой”. Некоторые ситуации в повестях Вадима Шефнера таковы, что могут даже навести на подозрение: уж не вышучивает ли автор саму фантастику, не пародирует ли кое-какие ее мотивы и атрибуты? Действительно, он не отказывает себе в удовольствии слегка подтрунить над “пришельцами”, тайно проживающими на нашей Земле, или над изучающими нас загадочными аппаратами».

«Скромный гений»

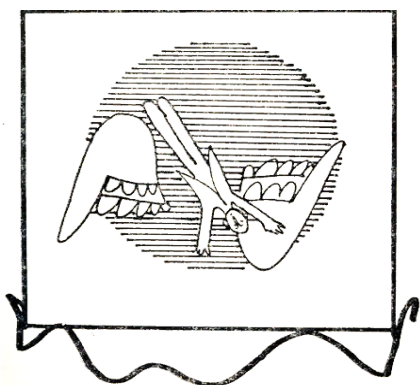
Он был странный ребенок. Когда другие дети возились в песочнице, он чертил на песке детали каких-то непонятных машин. А в юности он сконструировал водяные коньки и АПМЕД (антигравитационный прибор местного действия). Но вообще этот рассказ о судьбе и любви.

«Человек с пятью “не”, или Исповедь простодушного» (повесть-сказка)

Отец Стефана с юных лет определил своего сына как «человека с пятью “не”, то есть НЕуклюжий, НЕсообразительный, НЕвыдающийся, НЕвезучий, НЕкрасивый. Так и идет Стефан Петрович по жизни с этим нелегким грузом «не». А навстречу ему попадаются удивительные личности, каждый раз круто изменяющие его жизнь.

«Запоздалый стрелок, или Крылья провинциала» (повесть-сказка)

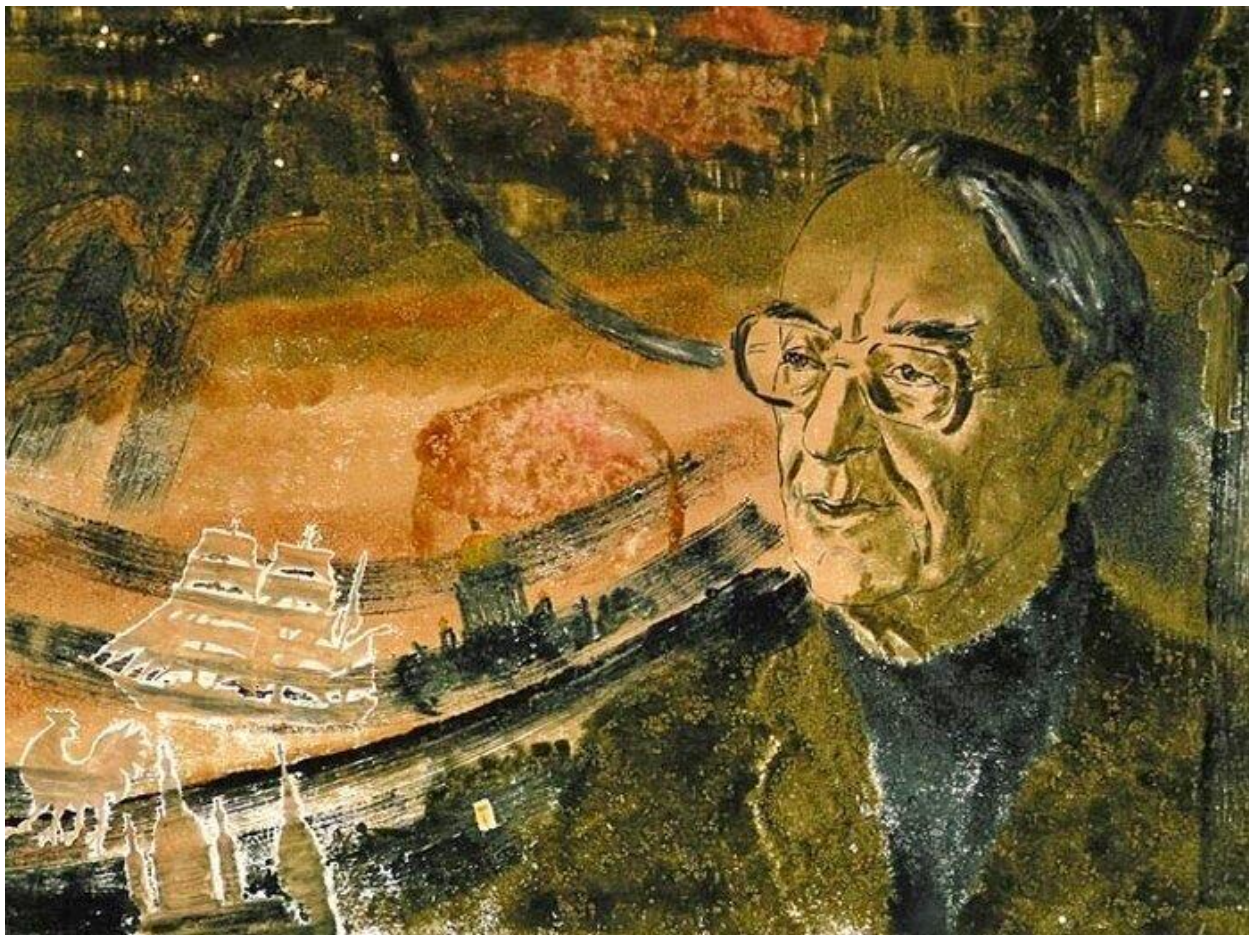
Алексей Возможный изобрел крылья, с помощью которых любой человек может летать как птица.

Но он не придает большого значения своему открытию, считая, что в век самолетостроения крылья уже не актуальны. Да и на пути массового производства крыльев встает мощный барьер в виде бюрократии чиновничества.

«Когда я был русалкой» (рассказ)

У героя рассказа самые разнообразные интересы: от написания стихов до изобретения печатной машинки, на которой можно печатать не только руками, но и ногами. Кроме того, он ведет литературную консультацию поэтов-любителей и работает сторожем на лодочной станции. Но после того как один из поэтов-любителей сравнил его в своём стихотворении с русалкой, он начинает поглядывать на воду с некоторым опасением.

Лариса Валентиновна Кириллина, музыковед, профессор, писатель считает, что *«Шефнер – автор лучшего стихотворения о космосе, по крайней мере, в отечественной литературе XX века».*

Стихотворение «Орфей»

*Глядя в будущий век, так тревожно ты, сердце, не бейся:
Ты умрёшь, но любовь на Земле никогда не умрёт.
За своей Эвридикой, погибшей в космическом рейсе,
Огнекрылый Орфей отправляется в звёздный полёт.*

*Он в пластмассу одет, он в сверхтвёрдые сплавы закован,
И на счётных машинах его программирован путь, –
Но любовь есть любовь и, подвластен он древним законам
И от техники мудрой печаль не легчает ничуть.*

*И, сойдя на планете неведомой, страшной и дивной,
Неземным бездорожьем, с мечтою земною своей
Он шагает в Аид, передатчик включив портативный,
И зовёт Эвридику и песню слагает о ней.*

*Вкруг него подчинённо нездешние звери толпятся,
Трёхголовая тварь перепончатым машет крылом,*

*И со счётчиком Гейгера в ад внеземных радиаций
Сквозь леса из кристаллов он держит свой путь напролом.*

*...Два зелёные солнца, пылая, встают на рассвете,
Голубое ущелье безгрешной полно тишиной, –
И в тоске и надежде идёт по далёкой планете
Песнопевец Орфей, окрылённый любовью земной.*

«Почему я считаю это лучшим стихотворением о космосе, написанным в 20 веке? Мастерство и поэтический талант автора оставляем за скобками – это подразумевается само собой. Важно другое.

Сочетание нескольких мифов: древнего (Орфей), мифа Нового времени («любовь, что движет солнца и светила» – Данте), мифа о всемогуществе науки (человечество, которое вырвалось в космос и достигло далеких планет).

В традиционных представлениях ад (Аид, Гадес) – это то, что под землей, в преисподней, внизу. Рай (Эмпирей) – то, что наверху, на небесах, в космосе. Но в XX веке стало понятно, что образ голубого эфира, в котором в сияющих облаках резвятся ангелочки, за которыми наблюдает добрый дедушка в лучезарных ризах – это сказка. Космос одновременно и прекрасен, и страшен, и адских миров там гораздо больше, чем похожих на райский сад.

Стихотворение Шефнера отличается очень яркая образность, особенно в двух последних катренах. И “леса из кристаллов”, и “перепончатое крыло”, и “два зеленые солнца” – фантастика, но почему-то сразу себе это представляешь. А теперь уже можно задать нейросети нечто подобное, и она нарисует, как миленькая».

И мы согласны с автором этих строк. Шефнер, кажется, единственный большой русский поэт, у кого традиционная фантастическая тематика естественно вошла в лирические стихи.

*Мы одни во Вселенной, быть может,
До сих пор нам никто не помог.
Из космической литерной ложи
Бородатый не щурится Бог.
И на сцене зелёного рая,
Средь бесчувственных солнц и планет,
Мы в нелёгком спектакле играем,
У которого зрителей нет.
Мы бесчисленны и одиноки,
А вокруг нас – только холод и снег,
И с галёрки галактик далёких
Нас никто не окликнет вовек.
Мы одни во Вселенной, быть может,
И собратьев по разуму нет,
И на всё, что томит и тревожит,
У себя лишь найдём мы ответ.*

В интервью 1984 г. на вопрос о своей работе в области фантастики Шефнер ответил:

«Это не фантастика в общепринятом понятии, а скорее – развёрнутые притчи. Мои герои что-то изобретают, но порою явно неосуществимое, а иногда и вовсе нелепое. Да и герои – не герои, а обычные люди, которых я ставлю в сказочные обстоятельства, и они оттуда выкарабкиваются...».

Александр Лейзерович в статье «Дворянин во мещанстве». Памяти Вадима Шефнера, опубликованной в журнале «Семь искусств» № 12 за 2017 год, знакомит читателей с малоизвестным стихотворением В. Шефнера:

НТР

*За телевизор Клеопатра
Полцарства б, может, отдала;
Нерон, осваивая «Татру»,
Забыл бы прочие дела.
И на колени встал бы рыцарь,
Сложив молитвенно персты,
Пред металлическою птицей –
Царицей синей высоты.
... А при Перикле, при Перикле
Обожествили бы лавсан...
Но мы отвыкли, мы отвыкли
Своим дивиться чудесам.
Кругом кишат изобретенья,*

*Между собой вступая в связь.
(Или просто саморазмноженьем,
Деленьем клеточным плодясь?)
И предстаёт нам с каждым годом
Загадочнее, чем была,
Нерукотворная природа –
Та, что людей изобрела.*

И делает вывод: «Как ни шаблонно это звучит, но люди – действительно, самое интересное для Шефнера. В том числе – место человека в истории, его оценка потомками, историческая справедливость. И в истории Шефнеру ближе всего люди, в чём-то похожие на него самого».

«Чудеса делаются своими руками»

«Нет ни чистой, ни смешанной фантастики. Писатель должен пользоваться необыкновенным только для того, чтобы привлечь внимание и начать разговор о самом обычном».

Александр Грин

18

«Грин смело доверял интуиции: сочиняя прозу, пропитывал ее поэзией; оставаясь моралистом, воспевал искренность и откровенность. Его романы и многочисленные рассказы дышат морской свежестью и ароматами портового рынка. Одни тексты возвращают веру в собственные силы, другие способны шокировать и вызывать первобытный ужас. Но почти все они зовут к совершенству и отрывают нас от обыденной жизни».

Алексей Бодяшкин, журналист

23 августа 1880 года года родился Александр Гриневский или Александр Грин, как мы привыкли его называть, писатель-революционер. У Александра Грина была очень насыщенная жизнь. В ней было достаточно приключений и неожиданностей. Он успел побывать и солдатом, и узником, и моряком, старателем и лесорубом, железнодорожником и рыбаком. Судьба носила его по волнам жизненных невзгод, как океан носит корабль во время бури. Однако, невзирая на все сложности бытия, Грин не сломался, и продолжил писать, создавая уникальные романтические произведения.

Писатель А. Варламов в своей книге «Александр Грин» (ЖЗЛ, 2005) замечает: «Он родился в один год с Андреем Белым и Александром Блоком, умер в одно лето с Максимилианом Волошиным. В сущности – чистые временные рамки Серебряного века, все были дети страшных лет России, еще не знавшие, что самое страшное ждет Россию впереди. Но даже в пестрой картине литературной жизни той поры Грин стоит особняком, вне литературных направлений, течений, групп, кружков, цехов, манифестов, и само его существование в русской литературе кажется чем-то очень необычным, фантастическим, как

сама его личность. И в то же время очень значительным, необходимым, даже неизбежным, так что представить большую русскую литературу без его имени невозможно».

Грин творил под разными псевдонимами: Мальгинов, Один, Виктория Клемм, Эльза Моравская, Степанов и другие. Псевдоним А.С. Грин впервые появился под рассказом «Случай», датированным 1907 годом. А через год у Грина вышел первый сборник «Шапка-невидимка» с подзаголовком «Рассказы о революционерах». Грин было его детским прозвищем, так его прозвали еще в подготовительном классе реального училища, из которого он был исключен во 2 классе за неуправляемое поведение. Александр закончил другое училище, но после смерти матери, с 15 лет жил один, в 16 устроился моряком, но моряка из него не вышло. Отец определил его в солдаты, но и там, после полугода службы, Александр дезертировал, был пойман, снова бежал и там же он знакомится с эсеровскими пропагандистами.

Отказавшись участвовать в каких-либо террористических актах, он, тем не менее, стал активным пропагандистом. Несмотря на то, что за это он получил и тюрьмы и ссылки, впоследствии эта идеология оказалось ему чуждой... Существующий строй Грин ненавидел по-прежнему, но он начал формировать свой позитивный идеал, который был совсем не похож на эсеровский.

В 1910 году вышел второй его сборник «Рассказы». Первый был конфискован и сожжен полицией. Большинство включенных туда рассказов написаны в реалистической манере, но в двух – «Остров Рено» и «Колония Ланфиер» – уже угадывается будущий Грин-сказочник. Как новый оригинальный и талантливый российский литератор он знакомится с Алексеем Толстым, Леонидом Андреевым, Валерием Брюсовым, Михаилом Кузминым и другими крупными литераторами.

По словам исследователя Вадима Ковского, молодой человек «...пытался войти в жизнь, как в штормовое море; и каждый раз его, избитого о камни, выбрасывало на берег – в ненавистную, обывательскую Вятку; унылый, чопорный, глухой город с его догматом “быть как все”».

Революционный строй, пришедший в 1917 году, он тоже не принял, публикуя заметки и фельетоны в журнале «Новый сатирикон» и в небольшой малотиражной газете «Чертова перечница», за что в 1918 году его опять арестовали и чуть не расстреляли.

Грин становится отшельником. И именно в эти годы им были написаны его лучшие произведения «Алые паруса» и «Бегущая по волнам».

В 1923 году вышла в свет «повесть-феерия» «Алые паруса», которая впоследствии стала визитной карточкой писателя. Считается, что прообразом главной героини повести с фантастическим именем Ассоль стала жена Грина, Нина Николаевна. В очередную годовщину их свадьбы писатель говорил ей: *«Ты мне дала столько радости, смеха, нежности и даже поводов иначе относиться к жизни, чем было*

*у меня раньше, что я стою, как в цветах и волнах, а над головой птичья стая.
На сердце у меня весело и светло».*

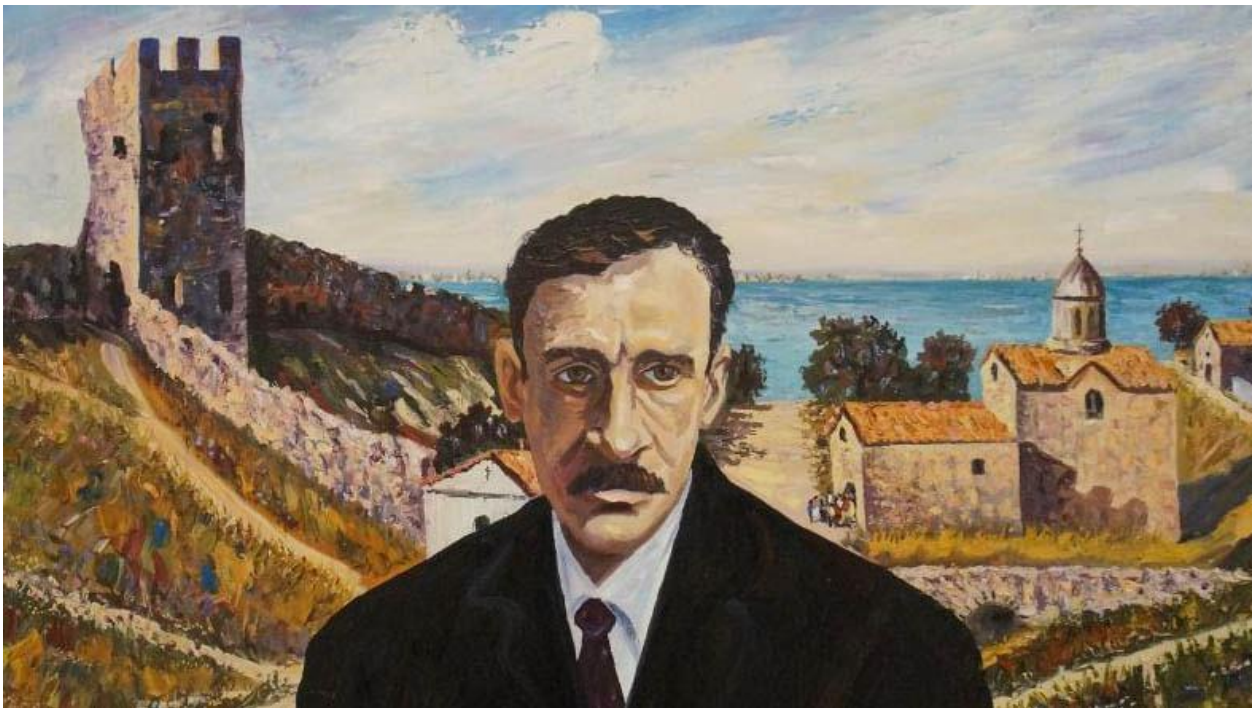
Не так прост, как может показаться, образ мечтательницы Ассоль. Некоторые считают, что Грин рисует нам инфантильную девушку, которая не может найти соприкосновение с реальностью и верит лишь в иллюзию. Однако Ассоль – необычный человек. Она зорко и проницательно видит то, что большинству не под силу разглядеть, сила ее веры настолько сильна, что все исполняется. Вот какое описание внутренней жизни героини встречается нам в повести: *«Бессознательно, путем своеобразного вдохновения она делала на каждом шагу множество эфирнотонких открытий, невыразимых, но важных, как чистота и тепло. Иногда – и это продолжалось ряд дней – она даже перерождалась; физическое противостояние жизни проваливалось, как тишина в ударе смычка, и все, что она видела, чем жила, что было вокруг, становилось кружевом тайн в образе повседневности».*

И то чудо, «обыкновенное», которое Грин показывает нам в «Алых парусах» – отнюдь не из ряда сказочных трюков. Может казаться несколько разочаровывающим, что за девушкой приходит не небожитель, не какой-нибудь Лоэнгрин, а самый что ни на есть земной Грей, который подслушал, подглядел и «сфабриковал» чудо.

Но писатель с помощью самого персонажа поясняет нам свою мысль, и капитан Грей произносит:

«Вы видите, как тесно сплетены здесь судьба, воля и свойство характеров; я прихожу к той, которая ждет и может ждать только меня, я же не хочу никого другого, кроме нее, может быть именно потому, что благодаря ей я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками. Когда для человека главное – получать дражайший пятак, легко дать этот пятак, но, когда душа таит зерно пламенного растения – чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии. Новая душа будет у него и новая у тебя...».

В творчестве Грина большое значение для содержания и смысла произведения имеет пейзаж. Зачастую пейзажное описание не просто передает эмоциональное состояние героя, а является отражением его души. Чуткое воображение Ассоль дорисовывает реальность: *«держа руку ладонью вниз над ее метелками, она шла, улыбаясь струящемуся прикосновению. Засматривая в лица цветов, в путаницу стеблей, она различала там почти человеческие намеки – позы, усилия, движения, черты и взгляды: ее не удивила бы теперь процессия полевых мышей, бал сусликов или грубое веселье ежа, пугающего спящего гнома своим фырканьем... Ассоль говорила с теми, кого понимала и видела»*. Изображение природы оживает и становится зримым образом. Природа предстает живым существом для тех, кто ее видит и слышит.

У Грина постоянными романтическими символами выступают море и сад. Море является фольклорным символом, который активно используется в художественной литературе (Сказки А.С. Пушкина, рассказы М. Горького). Сад в литературном произведении, в первую очередь, наталкивает на мысли о райском саде, важном образе для мировой культуры. В творчестве А.С. Грина сад – символ покоя, гармонии, море – символ дороги, пути к мечте. Сад у Грина встречается в «Джесси и Моргиане»: *«жара сада согревала ее лицо... стволы стояли на кругах теней; цвели*

тюльпановые деревья, каштаны и персики. Улыбаясь цветам и листьям, Джесси ступила на аллею...над цветами, вызывающими жадность к их красоте стояли осы... листва роз скрывала Джесси». Умирающая девушка находит успокоение в саду, потому что пространство сада, чаще всего замкнутое и окруженное, заключающее в себе красоту природы.

Море изображено Гринем практически в каждом художественном тексте. Море – проводник между возлюбленными («Алые паруса», «Золотая цепь»), путь в «Замечательную страну» («Алые паруса»). Финал повести, когда возлюбленные уплывают на корабле в горизонт. «Золотая цепь». Санди проходит испытание дорогой в поместье Ганувера, где жизнь героя меняется коренным образом), связь с иррациональным («Бегущая по волнам». Встреча Гарвея с призраком Фрези).

Как быть счастливым? Грин знает ответ

«Я остановился у витрины с игрушками и увидел лодочку с острым парусом из белого шелка. Эта игрушка мне что-то сказала, но я не знал – что, тогда я прикинул, не скажет ли больше парус красного, а лучше того – алого цвета, потому что в алом есть яркое ликование. Ликование означает знание, почему радуешься. И вот, развертывая из этого, беря волны и корабль с алыми парусами, я увидел цель его бытия».

Так автор вспоминал рождение своих «Алых парусов» – а точнее, их замысла. Гриневское счастье не имеет ничего общего с ленивым созерцанием и бесплодным сооружением воздушных замков. Наоборот, оно предполагает активные решительные действия. Дело ведь совершенно не в том, что Ассоль дождалась Грэя, а в том, что Грэй, узнав о пророчестве Эгля, сделал все возможное для воплощения мечты.

Сцена в лавке, где он покупает две тысячи метров алого шелка, описана с потрясающим чувством языка и тонким юмором: *«Две? – сказал хозяин, судорожно подсакивая, как пружинный. – Тысячи? Метров? Прошу вас сесть, капитан. Не желаете ли взглянуть, капитан, образцы новых материй? Как вам будет угодно. Вот спички, вот прекрасный табак; прошу вас. Две тысячи... две ты-*

сячи по... – Он сказал цену, имеющую такое же отношение к настоящей, как клятва к простому “да”, но Грэй был доволен, так как не хотел ни в чем торговаться. – Удивительный, наилучший шелк, – продолжал лавочник, – товар вне сравнения, только у меня найдете такой. Когда он, наконец, весь изошел восторгом, Грэй договорился с ним о доставке, взяв на свой счет издержки, уплатил по счету и ушел, провожаемый хозяином с почестями китайского короля».

К. Паустовский, трепетно относившийся к творчеству Грина, посвятил ему очерк «Сказочник», который вошел в повесть «Черное море»:

«Грин – человек с тяжелой, мучительной жизнью – создал в своих рассказах невероятный мир, полный заманчивых событий, прекрасных человеческих чувств и приморских праздников. Грин был суровый сказочник и поэт морских лагун и портов. Его рассказы вызвали легкое головокружение, как запах раздавленных цветов и свежие, печальные ветры. Грин провел почти всю жизнь в ночлежных домах, в грошовом и непосильном труде, в нищете и недоедании. Он был матросом, грузчиком, нищим, банщиком, золотоискателем, но прежде всего – неудачником. Взгляд его остался наивен и чист, как у мечтательно-го мальчика. Он не замечал окружающего и жил на облачных, веселых берегах.

Романтика Грина была проста, весела, блестяща. Она возбуждала в людях желание разнообразной жизни, полной риска и “чувства высокого”, жизни, свойственной исследователям, мореплавателям и путешественникам. Она вызвала упорную потребность увидеть и узнать весь земной шар, а это желание было благородным и прекрасным. Этим Грин оправдал все, что написал».

«Если бы Грин умер, оставив нам только одну свою поэму в прозе «Алые паруса», то и этого было бы довольно, чтобы поставить его в ряды замечательных писателей, тревожащих человеческое сердце призывом к совершенству».

Константин Паустовский

В 1924 году Грин покинул Петроград и отправился на юг, сначала в Феодосию, а затем в Старый Крым. Этот «крымский» период стал очень плодотворным для писателя: из-под его пера выходят повести «Блестящий мир», «Золотая цепь», «Джесси и Моргиана», цикл рассказов и главный свой шедевр – роман «Бегущая по волнам», над которым работал полтора года.

Осенью 1926 года Грин закончил В этом романе соединились лучшие черты таланта писателя: глубокая мистическая идея о потребности в мечте и воплощении мечты,

тонкий поэтический психологизм, увлекательный романтический сюжет. Его главный герой очень напоминает самого писателя в молодые годы. Он отправляется в путешествие, следуя некоему таинственному зову, который влечёт его к морским далям.

Так и сам Александр Грин на протяжении всей своей жизни неизменно следовал за Мечтой. Ошибаясь, падая и снова поднимаясь, он оставался верным своему стремлению к красоте и прекрасному идеалу, который всегда жил в его душе.

Как мы знаем, писатель долго добивался потрясающе красивого языка. Отлично выразился Новиков-Прибой: *«вдохнешь одну строчку и задохнешься – так хорошо»:*

На потолке и стенах неслись танцы солнечных привидений. Вихрь золотой сети сиял таинственными рисунками. Лучистые веера, скачущие овалы и кидающиеся из угла в угол огневые черты были, как полет в стены стремительной золотой стаи, видимой лишь в момент прикосновения к плоскости...

Слово «Бегущая» лежало в тени, «по» было на границе тени и света, и заключительное «волнам» сияло так ярко, что заметны были трещины в позолоте.

Уже после смерти писателя вымышленную страну назвали Гринландией. Как вспоминал журналист Эдгар Арнольди, тема разговора могла очень быстро перейти в область фантазий: *«... Хочешь, я тебе сейчас расскажу, как пройти из Зурбагана в... ? Он назвал какое-то место, знакомое по его произведениям, но я уж не*

помню, какое именно. Разумеется, я сразу же выразил желание услышать во всех подробностях о такой прогулке.

И Грин стал спокойно, не спеша объяснять мне, как объясняют хорошо знакомую дорогу другому, собирающемуся по ней пойти. Он упоминал о поворотах, подъемах, распутьях: указывал на ориентирующие приметы вроде группы деревьев, бросающихся в глаза строений и т. п. Дойдя до какого-то пункта, он сказал, что дальше надо идти до конца прямой дорогой... и замолчал».

Гринландия прекрасна, но не стоит думать, что она безмятежна и подобна раю; читатель быстро убеждается, что в том далеком измерении действуют человеческие принципы и кипят человеческие страсти.

Все свои последние произведения Александр Грин публиковал с трудом, его друзья использовали для этого все свои связи, но даже по их ходатайствам это занимало годы... В годы борьбы с космополитизмом Александр Грин, как и многие другие деятели культуры (А.А. Ахматова, М.М. Зощенко, Д.Д. Шостакович), был в советской печати заклеен как «космополит», чуждый пролетарской литературе, «воинствующий реакционер и духовный эмигрант». Начиная с 1956 года, усилиями К. Паустовского, Ю. Олеши, И. Новикова и других, Грин был возвращен в литературу.

Последним неоконченным произведением писателя был роман «Недотрога» – роман о деликатных, ранимых и отзывчивых натурах, неспособных ко лжи, лицемерию и ханжеству, о людях, утверждающих добро на земле.

«До конца дней моих, – писал Грин, – я хотел бы бродить по светлым странам моего воображения».

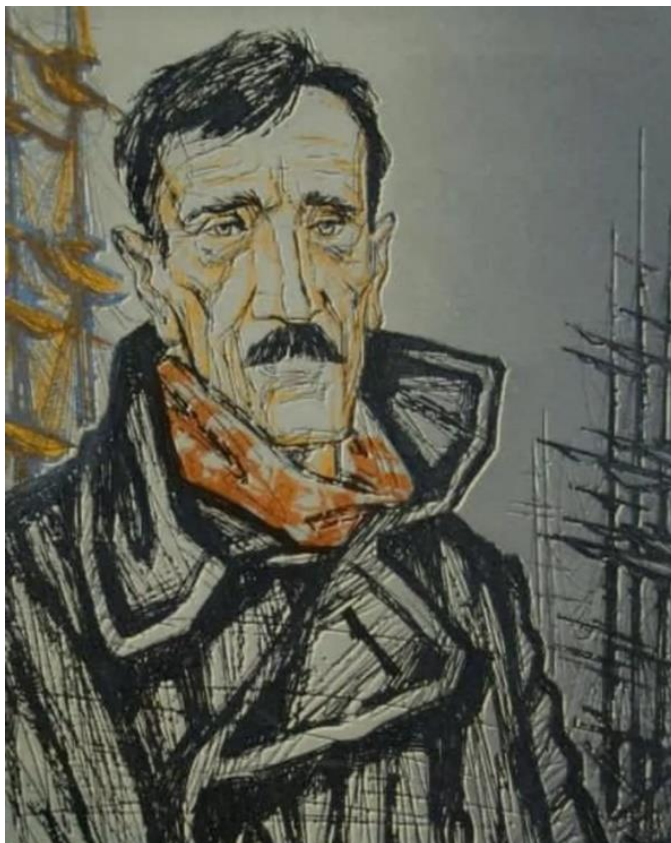

Не разгаданной до конца загадкой остается и биография писателя. О некоторых периодах жизни почти ничего неизвестно. Источником сведений о ранних годах и молодости является написанная Грином в конце жизни, в 1930 г. «Автобиографическая повесть». В рукописи повесть называлась «На суше и на море. Автобиографические очерки А.С. Грина». По данным разных источников, автор планировал назвать её «Книга о себе» или «Легенда о себе», а название «Автобиографическая повесть» было придумано в «Издательстве писателей в Ленинграде».

«Автобиографическая повесть» убедительно показывает отправные точки, изломанные пути и изломанные обстоятельства, создавшие индивидуальность по имени Грин. Или, если говорить точным и образным языком самого писателя: *«Раз навсегда, в детстве ли, или в одном из тех жизненных поворотов, когда, складываясь, характер как бы подобен насыщенному минеральным раствором жидкости: легко возмутить ее – и вся она, в молниеносно возникших кристаллах, застыла неизгладимо... в одном из таких поворотов, благодаря случайному впечатлению или чему иному, – душа укладывается в непоколебимую форму».*

Исследователи творчества писателя признают, что реальные факты в повести тесно переплетаются с художественным вымыслом.

На первый взгляд, описанные в повести события юности и молодости Грина заставляет думать о сюжете авантюрного романа. Однако жизнь писателя была суровой и полной лишений.

Тяжелые жизненные испытания сделали Грина внешне мрачным, настороженным, не располагающим к себе человеком. В этой книге под одной обложкой сошлись люди, которым есть что рассказать о Грине. Они встречались с ним в разные годы, видели его в разных положениях и обстоятельствах. Одним довелось идти рядом с ним рука об руку в течение многих лет, другие виделись лишь несколько раз.

По воспоминаниям В.А. Рождественского, многие, знавшие Грина поверхностно, «отказывали ему даже в интеллигентности, говорили, что он похож на маркера из трактира, на подрядчика дровяного склада и т.д.».

Незадолго до смерти, в день двадцатипятилетия своей литературной деятельности, уже безнадежно больной Грин высказал такую мысль:

– Когда я осознал, понял, что я художник, хочу и могу им быть, когда волшебная сила искусства коснулась меня, то всю свою последующую жизнь я никогда не изменял искусству, творчеству; ни деньги, ни карьера, ни тщеславие не толкнули меня с истинного моего пути; я был писателем, им и умру; я никогда не забывал слов Брюсова поэту: «Да будет твоя добродетель – готовность взойти на костер!».

На гористом старокрымском кладбище, под сенью старой дикой сливы, лежит тяжелая гранитная плита. У плиты скамья, цветы. На эту могилу приходят писатели, приезжают читатели из дальних мест...

«Он с полным правом мог бы сказать о себе словами французского писателя Жюль Ренара: “Моя родина – там, где проплывают самые прекрасные облака”. Грин писал почти все свои вещи в оправдание мечты. Мы должны быть благодарны ему за это. Мы знаем, что будущее, к которому мы стремимся, родилось из непобедимого человеческого свойства – умения мечтать и любить».

Константин Паустовский

«Это писатель замечательный, молодеющий с годами. Его будут читать многие поколения после нас, и всегда его страницы будут дышать на читателя свежестью такой же, как дышат сказки».

М. Шагинян.

«Когда дни начинают пылиться и краски блекнуть, я беру Грина. Я раскрываю его на любой странице. Так весной протирают окна в доме. Все становится светлым, ярким, все снова таинственно волнует, как в детстве».

Д. Гранин

«Старший брат русской фантастики»

«Мы пишем для гражданина, созидателя, борца и мыслителя»

Аркадий Стругацкий

28 августа 1925 года родился Аркадий Натанович Стругацкий, великий писатель-фантаст, гуманист и человек трудной судьбы. Он, в отличие от младшего брата Бориса, по полной застал войну настоящую и ожидаемую, и это наложило отпечаток на всю его жизнь. Блестящий интеллектуал, он 15 лет провёл в армии, которая ему была чуждой по духу. Начинал в 16 лет с обороны Ленинграда, затем было пехотное училище, Военный институт иностранных языков.

В 1946-м, в 21 год – он, как блестящий знаток японского языка, участвовал в допросе японских военных преступников. Японских врачей-изуверов готовили к Токийскому и Хабаровскому судебным процессам. Тогда впервые Аркадий Стругацкий стал сомневаться не просто в человечестве, а в его интеллектуальных представителях: как врачи, преподаватели вузов могли потерять человеческий облик?

Затем была служба в гарнизонах Дальнего Востока, в военной разведке. Аркадий позднее вспоминал, что начало 1950-х – это страх перед глобальной ядерной войной. Он каждый день переводил передачи японского и американского радио, где обыденно рассуждали о грядущей войне. Первая его повесть вышла в 1956 году – «Пепел Бикини», она посвящена трагическим событиям, связанным с взрывом водородной бомбы на атолле Бикини.

В 1986 году в писательской анкете младший брат Борис писал об Аркадии: *«Ему 61 год. У него ишемическая болезнь сердца, у него выпали все зубы – последствия блокады».*

Аркадий Стругацкий во время службы

Фантастический мотор

Долгие годы Аркадий считался мотором маленького сообщества «А. и Б. Стругацкие», он всегда стремился успеть как много больше. Запала писателя хватало и на создание собственных книг. Под псевдонимом «С. Ярославцев» автор публиковал фантастические книги о параллельных мирах, попадая в которые, герои пытаются изменить окружающую их реальность: «Экспедиция в преисподнюю», «Подробности жизни Никиты Воронцова», «Дьявол среди людей».

Также Аркадий всегда находил время на переводы с японского и английского языков. Писатель открыл советским читателям Японию, ведь благодаря его переводам они прочитали произведения японских классиков Рюноске Акутагавы, Абэ Кобо, Нацумэ Сосэки и Нома Хироси. Ценители японской литературы утверждают, что Аркадий Стругацкий внес бесценный вклад в ознакомление советских читателей с культурой и историей страны восходящего солнца, ведь он перевел на русский язык со старояпонского известный во всем мире роман «Сказание о Ёсицунэ». Это историко-биографическая и авантюрная повесть о полководце XII века из клана Минамото.

По воспоминаниям родных и близких, Аркадий всегда был очень консервативен в технике. Даже когда у Бориса появился свой персональный компьютер, старший брат не соблазнился электронной новинкой и до конца дней печатал свои произведения на пишущей машинке.

В 1952 году на Камчатке Аркадий Стругацкий написал научно-фантастическую повесть «Четвертое царство (На грани возможного)». Произведение увидело свет в новом веке: в 2001 году издательство «Сталкер» опубликовало повесть в составе полного собрания сочинений Стругацких.

Как утверждал брат Аркадия, Борис Стругацкий, *«публикация этого текста представляет интерес исторический: так в те времена понимали, задумывали и писали фантастику»*.

Появление творческого дуэта «А. и Б. Стругацкие» младший брат описывает так:

«Писать фантастику мы начали потому, что любили... её читать, а читать было нечего... Мы любили без памяти Уэллса, Чапека, Конан-Дойла, и нам казалось, что мы знаем, как надо писать, чтобы это было интересно читать. Было... заключено пари с женой Аркадия Натановича, что мы сумеем написать повесть, точнее – сумеем её закончить, – так всё и началось».

Братья Стругацкие

С конца 50-х Борис и Аркадий Стругацкие совместно писали повести и романы в жанрах фантастической утопии и антиутопической фантастики, вошедшие в золотой фонд мировой литературы. Первым совместным творением становится роман «Извне», опубликованный в 1958 году. В 1959 появилась знаменитая повесть «Страна багровых туч». Но главные сочинения – романы и повести «Трудно быть богом», «Жук в муравейнике», «Стажеры» и «Понедельник начинается в субботу» – братья Стругацкие написали позже.

В 1968 году вышла сатирическая повесть Стругацких «Сказка о Тройке», в которой прослеживается связь с повестью «Понедельник начинается в субботу».

В середине 60-х Аркадий Стругацкий в соавторстве с братом опубликовали в сборнике фантастики «Эллинский секрет» часть научно-фантастического романа «Улитка на склоне». Спустя два года советские читатели увидели еще одну часть повести в журнале «Байкал».

В полном объеме «Улитку на склоне» напечатали в 1972 году в западногерманском издательстве «Посев». Братья Стругацкие назвали повесть своим самым совершенным и значительным произведением.

Аркадий Натанович говорил, что они с братом начали ощущать себя именно писателями, а не литераторами, только во второй половине 70-х (хотя к этому моменту они уже были идолами для тысяч любителей фантастики по всему СССР). И как раз к этому времени с изданием их книг ситуация начала складываться драматически.

Приходилось постоянно сталкиваться с цензурой: в «Обитаемом острове» было сделано около тысячи исправлений (и неудивительно: роман задумывался как история о комсомольце будущего, этаким Павке Корчагине космической эры, а выглядел в результате довольно ядовитой сатирой на советскую эпоху).

«Сказка о Тройке» была опубликована в журнале «Ангара», после чего главного редактора сняли с работы, а журналы с повестью начали изымать из библиотек. Главы из «Улитки на склоне» и «Второе нашествие марсиан» были опубликованы только в улан-удинском журнале «Байкал» (столичные фанаты ходили в читальные залы библиотек и переписывали их там от руки).

В 70-х Аркадия Натановича Стругацкого выбрали членом редколлегии литературных изданий, таких как популярный журнал «Мир приключений» и антологий «Библиотека современной фантастики» и «Знание – сила».

С 1972 года Аркадий Стругацкий выдал несколько повестей и рассказов, которые подписал псевдонимом «С. Ярославцев». Это «Подробности жизни Никиты Воронцова» и «Дьявол среди людей». В 1974 году вышла повесть-сказка Аркадия Стругацкого «Экспедиция в преисподнюю». Ее первое название звучало как «Погоня в Космосе». Примечательно, что Аркадий Стругацкий снова подписался творческим псевдонимом С. Ярославцев. В повести, переведенной на чешский и болгарский языки, использованы элементы юмористической фантастики.

В период с 1971 по 1982 год братья-фантасты написали роман «Хромая судьба», который читатели увидели в журнале «Нева» в 1986 году. За год до публикации, в 1985 году, Аркадий Стругацкий избран редактором журнала «Уральский следопыт». С этих пор издание – главный рупор, в котором печатаются произведения советской и зарубежной фантастики.

Аркадий СТРУГАЦКИЙ, писатель, лауреат премии «Аэлита-81»:

– Я почувствовал симпатию к «Уральскому следопыту», еще когда впервые услышал о его существовании и не прочитал еще ни одного номера. Объясняется это просто: для человека моего возраста название журнала слишком отчетливо ассоциировалось с легендарным ныне "Всемирным следопытом", этой колыбелью советской фантастики. Честно говоря, попервоначально эта моя симпатия не оправдалась и даже сменилась некоторым разочарованием. Но вот уже десяток лет прошло с тех пор, как журнал «Уральский следопыт» стал тем, что он есть сейчас, – образцовым и единственным в стране журналом фантастики и приключений для юношества...

«Уральский следопыт» связан тесными узами с родным Свердловском, с прекрасным своим родным краем, с его людьми и природой, а такое отрицание дешевой космополитичности всегда и во всех случаях придает печатному изданию «лица необщее выраженье».

Свердловск в произведении Стругацких

Полдень, XXII век

Из главы «Самодвижущие дороги»

Город тонул в зелени – это Кондратьев видел, пролетая на птерокаре. Зелень заполняла все промежутки между крышами...

Далеко в туманной дымке обозначились очертания какого-то сооружения – не то мачты, не то телевизионной башни. Дорога текла плавно, без толчков; зеленые кусты и коричневые стволы сосен весело бежали назад; в просветах между ветвями появлялись и исчезали большие стеклянные здания, светлые коттеджи, открытые веранды под блестящими пестрыми навесами.

Кондратьев вдруг сообразил, что дорога уносит его на окраину Свердловска. «Ну и пусть, – подумал он. – Ну и хорошо». Наверное, эта дорога может унести куда угодно. В Сибирь, в Индию, во Вьетнам.

Писатель сумел заглянуть далеко в будущее, именно поэтому его произведения до сих пор читают и любят.

«Трудно быть богом», «Пикник на обочине», «Обитаемый остров», «Понедельник начинается в субботу» и многие другие книги, написанные в соавторстве с Борисом Стругацким, считаются классикой советской фантастики.

В конце 80-х в журнале «Нева» появился новый роман писателей «Град обреченный», который называют одним из наиболее философских сочинений Стругацких. Название позаимствовано у картины художника Николая Рериха, поразившей Аркадия и Бориса «своей мрачной красотой и ощущением безнадежности, от нее исходившей». Рабочее название романа – «Новый Апокалипсис». Рассматривалось и второе название – «Мой брат и я», что говорит о первоначальной автобиографичности произведения.

Целью братьев Стругацких, по их собственным словам, было показать человека, *«повисшего в безвоздушном идеологическом пространстве, без какой-либо опоры под ногами»*. Город представляет собой дорогу, путь, на который ступают люди разного пола, возраста, различных национальностей, вероисповеданий, люди, попавшие в Город из разных эпох.

Критик-фантастовед Всеволод Ревич в 1990-е годы называл роман «Град обреченный» провидческим, хотя и полагал, что в тексте *«наиболее острые места вписаны перед публикацией»*. *«Ведь лишь в 90-х годах в России появились силы, открыто называющие себя фашистами, произошло два путча, то здесь, то там вспыхнули очаги гражданских войн, возникла экономическая смута, – но всё уже предвосхищено в “Граде...”, включая символические детали, вроде сошествя статуй с пьедесталов»*. Это роман – предупреждение, роман о возможном будущем...

«Раньше мы описывали общество, в котором нам хотелось бы жить. А сейчас – общество, которого мы боимся». Аркадий Стругацкий

А. Матвеев, писатель и журналист, работавший 1978-1984 годах редактором Средне-Уральского книжного издательства, записал беседу с Аркадием Стругацким во время его пребывания в Свердловске (отрывок):

– *Нельзя сказать, что писатель в современном мире – это всегда его совесть или предсказатель будущего. Даже утописты это будущее не предсказывали. Они писали мир, в котором или хотели, жить (Ефремов), или нет (Хаксли), но не больше. Писатель, в основном, предостерегает. Предостерегает и смотрит чуть дальше, чем многие его современники*

– *Главное зло для меня – это нелюбовь к прогрессу, нежелание правды, инертность мышления, хотя сам я в быту, к примеру, человек очень консерватив-*

ный. Но ведь быт – это практически ничто. Наши потребности – они порождены цивилизацией.

– Нас, к примеру, часто спрашивают, почему в наших книгах так много крови, много войны. Но ведь война – это единственное, что может помешать естественному, диалектическому развитию общества. И пишем мы об этом не только потому, что на себе знаем, что такое кровь, взрывы, голод и разруха. Пусть ощутит это новый, молодой читатель, ощутит без прикрас, и не войну прошлого, а ту, что возможна – с нависающими грибами и радиоактивными пустынями. А умение написать, передать – это уже ремесло, ведь писателем мало называться, надо уметь и писать, то есть владеть ремеслом, владеть ради убеждения, пусть и в рамках острого, фантастического сюжета...

– Каждый писатель живет в свою эпоху, но должен смотреть чуть вперед, работать не только на настоящее, он должен забрасывать мины сомнения и надежды в будущие поколения, ведь мы – лишь предыстория...

О творчестве, благородстве и жизни Аркадия Стругацкого можно говорить бесконечно. Но лучше процитировать своеобразное завещание, которое он написал в качестве предисловия к первому выпуску альманаха «Завтра»:

Не может же быть, что все мы – сплошные идиоты!

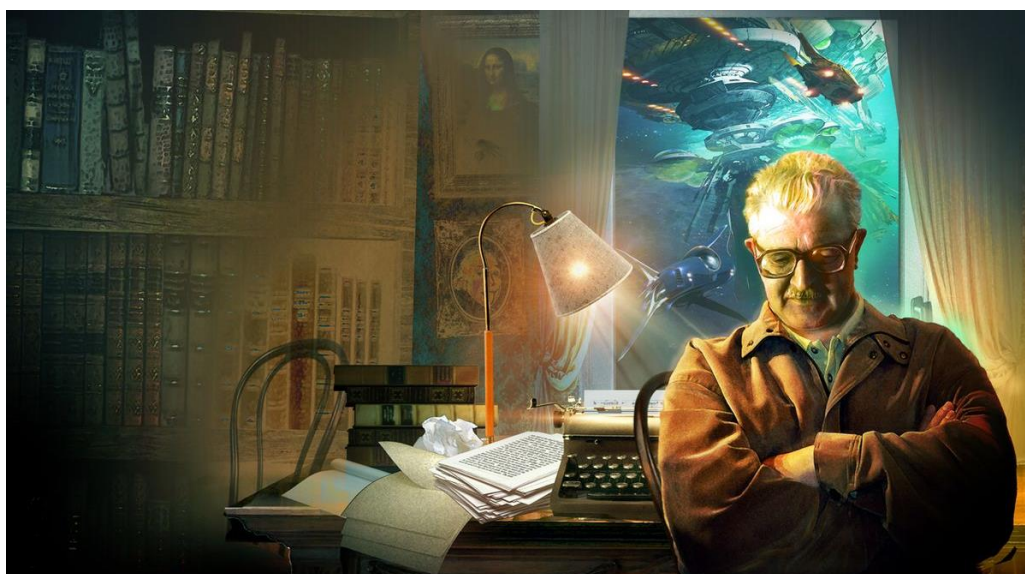
Не убивайте.

Почитайте отца и мать, чтобы продлились дни ваши на земле.

Не пляшите с утра и до утра.

Возьмите иную цель жизни, нежели накладывать руку на чужое богатство и на женскую красоту.

Тысячелетия глядят на нас с надеждой, что мы не озвереем, не станем сволочью, рабами паханов и фюреров.

Рассуждения современных писателей фантастов писателей Марины и Сергея Дяченко в статье «Зачем нужна научная фантастика и почему она актуальна сейчас?»

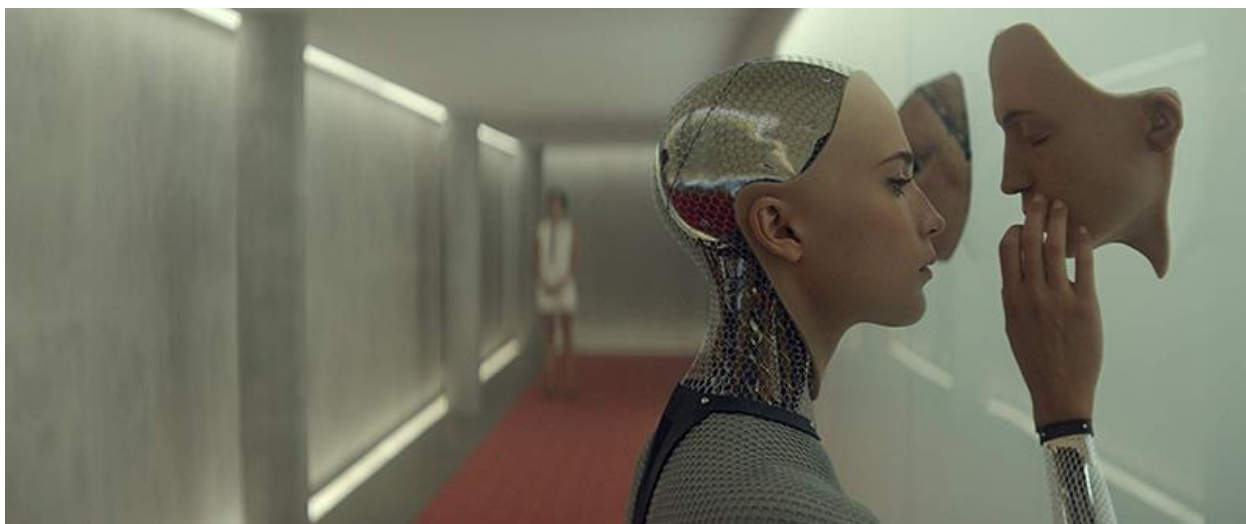
38

В век, когда технический прогресс опережает литературу, научная фантастика может показаться забытым жанром, но это не так: будущее волнует нас как никогда. На первый план вышли размышления о судьбе человека как вида, антиутопии и социальная фантастика.

Кто первым использовал слово «робот»? Карел Чапек. Когда? Пьеса «R.U.R.» опубликована в 1921 году. В далеком дремучем году писателю (и великому научному фантасту) пришлось в голову проанализировать этические проблемы, которые могут возникнуть в результате серийного производства «искусственных людей». Чапека интересовали гражданские права искусственного интеллекта, которого на тот момент не было нигде, кроме как в его воображении.

В 1945 году Артур Кларк предсказал спутниковую связь. Коммуникаторы из сериала «Звездный путь» подозрительно похожи на современные смартфоны и умные часы. Команда ученых на Гавайях вот прямо сейчас предсказывает будущее взаимодействие человека и компьютера, анализируя фантастические книги и фильмы.

Кадр из фильма «Из машины»

Социальная фантастика – бесконечно широкая тема, сотни исследователей уже посвятили ей тысячи страниц. История будущего – это история общества будущего. Научные открытия тем весомее, чем заметнее они меняют отношения между людьми. Говорить о социальных, этических проблемах можно и нужно языком литературы. Характеры, детали, стиль – все, что требуется от хорошего литературного текста.

Хотелось бы напомнить слова создателя социальной фантастики Герберта Уэллса о том, что она *«не может быть ни просто искусством, ни наукой в узком смысле этого слова, она собрание знаний, представляемых в вымышленной форме с присутствием личного элемента, иначе говоря, литература в наиболее возвышенном смысле этого понятия»*.

Список литературы

[Алые паруса (фильм 1961)]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_doc/271828/pub_68501447e3494d5050734ab7_68501800af9a3171d94ce845/scale_1200 (дата обращения: 29.09.2025).

[Александр Грин. Портрет]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://cs14.isla-de-muerta.com/post_img/big/2023/08/11/3/1691723899211313180.pnghttps://cs14.isla-de-muerta.com/post_img/big/2023/08/11/3/1691723899211313180.png (дата обращения: 29.09.2025).

[Александр Грин]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://ic.pics.livejournal.com/carry_kaeterry/8243418/488809/488809_original.jpg (дата обращения: 29.09.2025).

[Аркадий Стругацкий]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: <https://backend.cultureural.ru/uploads/customFiles/1753868346a7998e59fa3593d1f0b7b5c315f9ae1a.png> (дата обращения: 29.09.2025).

[Аркадий Стругацкий]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: <https://cdn.culture.ru/images/bf2b0d00-a076-53e5-8fff-17acd4ab8af3> (дата обращения: 29.09.2025).

[Вадим Сергеевич Шефнер]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: <https://egoistmag.ru/public/uploads/02f0b0c033a9b1f2a830031879ba2a05f0943cba.jpg> (дата обращения: 29.09.2025).

[Иллюстрация к книге «Бегущая по волнам»]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://avatars.mds.yandex.net/i?id=0daa90feb1e66958340c4c22438f46ea_l-5288942-images-thumbs&n=13 (дата обращения: 29.09.2025).

[Шефнер Вадим Сергеевич]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: [https://avatars.dzeninfra.ru/get-](https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_doc/271828/pub_68501447e3494d5050734ab7_68501800af9a3171d94ce845/scale_1200)

zen_doc/9213367/pub_6484b64fd1c97f70d7b513ba_6484b8081dfacb4481bbf994/scale_1200?ssl=1 (дата обращения: 29.09.2025).

Кузьмичев, И. Чудесные истории Вадима Шефнера / Игорь Кузьмичев. – Текст : электронный // Фэндом : сайт. – 2001-2025. – URL: https://www.fandom.ru/about_fan/kuzmichev_1.htm?ysclid=mg4sfs802d520815277 (дата обращения: 29.09.2025).

Молодяков, В. Война и память Вадима Шефнера / Василий Молодяков. – Текст : электронный // Эгоист : сайт. – 2025. – 1 янв. – URL: <https://stihi.pro/1622-sentyabr.html> (дата обращения: 29.09.2025).

По велению сердца. – Текст : электронный // Журнал Клаузура : сайт. – 2022. – 7 янв. – URL: <https://klauzura.ru/2022/01/po-veleniyu-serdtsa/?ysclid=mg4tf3cjk728869990> (дата обращения: 29.09.2025).

Яковлева, Е. Старший брат советской фантастики. Неутомимый Аркадий Стругацкий / Елена Яковлева. – Текст : электронный // Аргументы и факты : сайт. – 2015. – 28 авг. – URL: https://aif.ru/culture/person/starshiy_brat_sovetskoy_fantastiki_neutomimyy_arkadiy_strugackiy?ysclid=mg4ugph0h1337757325 (дата обращения: 29.09.2025).

Ознакомительное издание

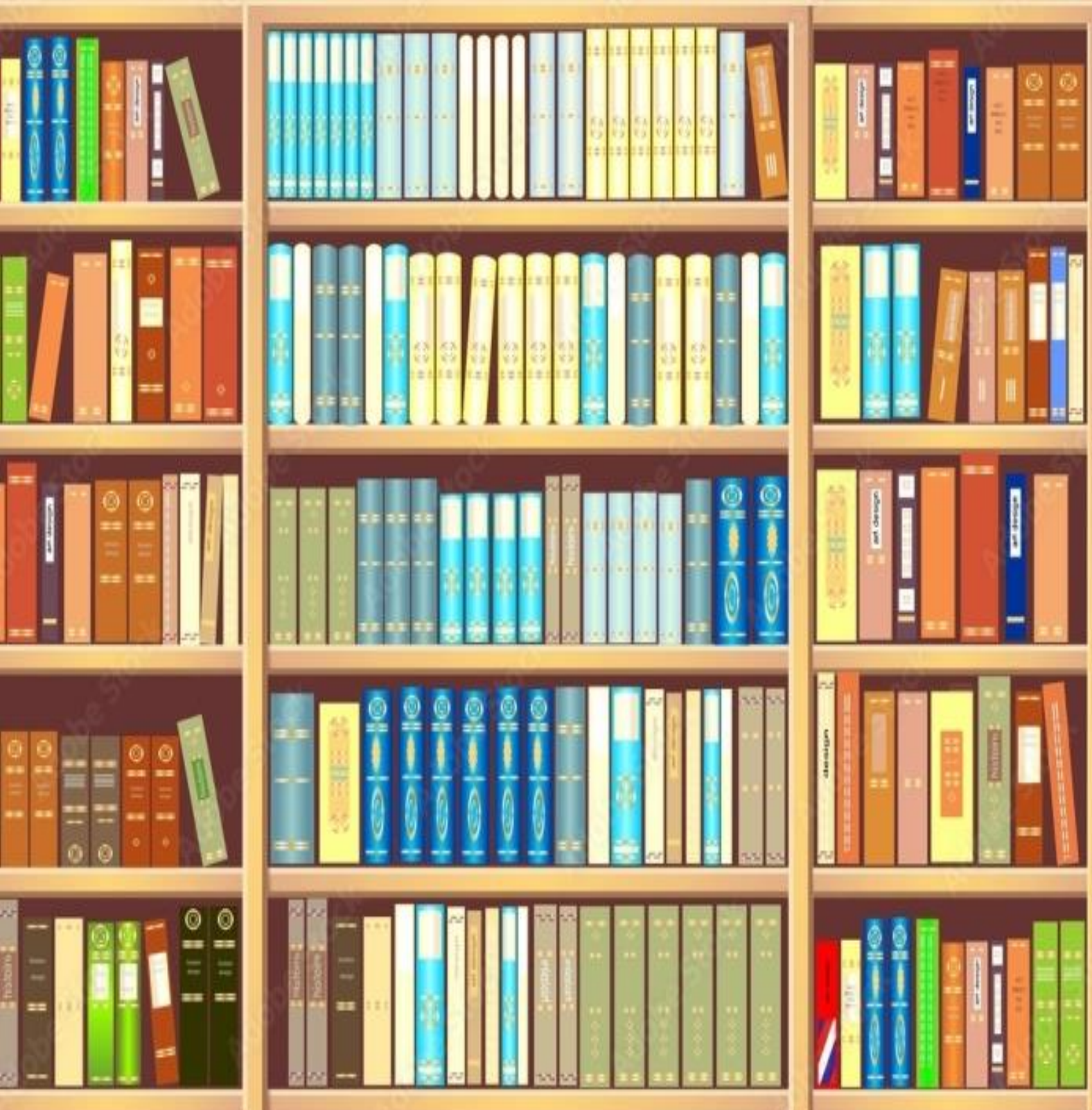
Литература мечты

Составитель Калинина О. И.

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Свердловская областная межнациональная библиотека имени П.П. Бажова»

620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28

тел.: + 7 (343) 211-07-00, сайт: www.somb.ru

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА им. П.П. БАЖОВА

